

ЗЛО ОТ ТАЛАНТА - ОПАСНЕЕ

Он родился в цирковой семье, учился на юриста, но увлечение театром пересилило все остальное. В постановках Георгия Товстоногова на сцене Ленинградского БДТ Сергей Юрский сыграл свои самые знаменитые театральные роли. Однако настоящая слава пришла к нему благодаря кино. Картины «Человек ниоткуда», «Время, вперед!», «Золотой теленок», «Король-Олень», «Место встречи изменить нельзя», «Ищите женщину», «Любовь и голуби» закрепили за ним репутацию яркого киноактера. Кроме того, Юрский известен как автор книг «Кто держит паузу», «В безвременье», «Жест», «Содержимое ящика»... Один из своих новых спектаклей-монологов «Домашние радости» актер создал на основе собственных текстов, которые собраны в его одноименной книге

- Сергей Юрьевич, в ваших «Домашних радостях» нередко встречается ненормативная лексика. Как вы себя чувствуете, когда произносите со сцены «непечатные» слова?

- Я себя чувствую «в характере», в образе. Для меня «Домашние радости» - это свободный разговор со зрителем, где есть вступление, комментарии и собственно актерская игра. Грубость или матерщина в жизни для меня не просто омерзительны, я считаю их крайне опасными. Они нарушают равновесие человеческого существования. Но вообще речь изменилась, и без некоторых слов современный человек не обходится. Как, допустим, мой персонаж в пьесе чешского драматурга Павла Когоута «Нули» в постановке МХАТа не может обходиться без грубости. Что тут скажешь - таков изображаемый автором социальный слой. Эта проблема требует серьезного анализа и отдельного разговора.

- Ваш дебют в большом кино в качестве режиссера-постановщика - психологический триллер «Чернов/Chernov», снятый в 1990 году по вашей же повести, - получил главный приз сочинского «Кинотавра-91». Почему вы больше не снимаете?

- Два года назад я поставил по собственному рассказу комедию «Случай с доктором Лекриным», которую показал телеканал «Культура». Я удивился, что опять испытал позабытое удовольствие от работы с изображением, монтажом, музыкой - всем тем, что в сочетании и составляет кинематограф. Но еще раз убедился, как сильно изменились времена. Сейчас в кино нужно иметь собственную структуру, свое дело. Я с этим опоздал. У меня даже нет своей театральной труппы: с большим трудом собираю на спектакли нужных мне по замыслу актеров. Все почему-то очень заняты, о каждом движении нужно отдельно договариваться и, само собой, оплачивать. У меня на

всю эту суету нет ни времени, ни сил.

И вообще, мне кажется, что мировое кино сейчас находится в маразме. А русский кинематограф потерял то, что он всегда имел, - профессионализм высочайшего уровня. Особенно это касается сценаристов.

- В связи со скандальными событиями последних лет на подмостках российской эстрады в народе широко обсуждается тема: «Талант и вседозволенность». Что вы думаете по этому поводу?

- Полагаю, что известный человек волен быть каким угодно. Это останется на его совести и будет большим подспорьем для литераторов, которые впоследствии напишут разоблачительные вещи: дескать, в своем искусстве он представлялся нам одним, а на самом деле был другим. Дальше можно рассказать его порочные тайны: что-то преувеличить, что-то досочинить.

Я возражаю только против одного. Если раньше говорили: кто талант, тот всегда и подлец, то теперь формулу перевернули: кто подлец, тот всегда и талант. Это опасное заблуждение становится девизом для молодых людей. В мое время в богемной среде в моде было пьянство, поскольку многие великие актеры крепко выпивали, и молодым казалось, что именно с

пьянства надо начинать. Однажды к Николаю Константиновичу Симонову, который, как известно, был равнодушен к чарке, на нетвердых ногах подошел «побрататься» один начинающий актер. Симонов его справедливо урезонил хлесткой фразой: «Не по таланту пьешь!».

Уверен, что талант - это всего лишь инструмент. Как молоток, например. А куда этот молоток прибьет гвоздь, и что на этот гвоздь повесят - это совершенно другой разговор. У тебя, может, и талант есть, но ты не ту доску и не туда прибил. И все это пойдет только во зло. А зло от таланта намного опаснее, чем зло, сотворенное бездарностью.

- Как вы относитесь к современной российской драматургии?

- Она потрясает меня своим обилием. В позапрошлом году я был председателем жюри конкурса драматургов «Действующие лица», в котором участвовали пьесы, написанные за год. Нам пришлось прочесть их совершенно несусветное количество - 500 штук. Но выбрать хотя бы 10 приличных оказалось делом трудным. Уровень - крайне низок.

Мне представляется, что драматургия - жанр более демократический, чем маргинальные развлечения для узкого круга «любителей». У нас есть уральская школа

драматургии во главе с Николаем Колядой. Есть московская школа, связанная с несомненно интересными Михаилом Угаровым и Еленой Греминой. А молодая драматургия стала появляться, как грибы в беспокойные годы. Когда их слишком много, то народ говорит: это не к добру. У меня такое ощущение также по поводу наших телевизионных сериалов и количества юных музыкантов. Когда симфоническим оркестром дирижирует почти ребенок - само по себе это занятное, но тревожное зрелище. А не слишком ли маленький рост, чтобы управлять целым оркестром?

- В советские времена вы издали немало виниловых пластинок со своими чтецкими работами. А сейчас искусство чтеца востребовано?

- Востребованы «живые» концерты во всех городах, кроме Москвы. Столица почему-то потеряла к этому жанру былой интерес. Семь лет назад известная радиоведущая Ольга Кулешова создала маленькую фирму, которая стала издавать на компакт-дисках «звучащее слово». А то ведь слово сейчас оказалось в униженном положении. Кругом только поют и пляшут.

Но я вижу, как слово начинает приподниматься. Это вселяет надежду.

Беседу вел
Анатолий СТАРОДУБЕЦ